

К 200-летию со дня рождения С. Т. АКСАКОВА

МУДРОСТЬ ЧУДАКА

Казалось бы, вот странно: всем известно, что этот писатель — один из самых замечательных классиков русской литературы, имя которого у всех на слуху... Вот и в нынешнем году, по решению ЮНЕСКО, не только в нашей стране, но и во всем мире отмечается двухсотлетие со дня его рождения. А между тем, как начнешь говорить с тем или иным завзятым книголюбом, то скоро убеждаешься: классик-то он классик, Сергей Тимофеевич Аксаков, и имя его действительно на слуху (как и книги — «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», не говорю уж об известном всем с детства «Аленьком цветочке»), а вот знать доподлинно да еще и перечитывать время от времени, как его великих современников — Гоголя ли, Тургенева или Салтыкова-Щедрина, этого, увы, о нас не скажешь!.. Что это — пробелы в нашем образовании или леность ума? Думаю, и то, и другое, и третье. Третье? Да, и третье. То, что можно назвать загадкой Аксакова. А что таковая была, нетрудно представить себе, если вспомнить хотя бы, как говорили о нем великие современники. Тот же Гоголь, разглядевший в Аксакове большого писателя тогда, когда Сергей Тимофеевич даже и не помышлял о литературном поприще. И разглядел-то в устных рассказах его о детстве, о природе, об обычаях, быте и бытии: Гоголь «буквально упивался» ими, предсказывая, что коли Аксаков возьмется за перо, то его воспоминания преподадут «соотечественникам лучшее познание русского человека», а также то, «каким чертам народного характера не дать умереть в народной памяти». Возьмем себе на заметку это суждение Гоголя: оно вечно.

Через много лет, говоря о «Детских годах Багрова-внука», Лев Толстой отметит, что в аксаковской книге «равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему» и действует на читателя «успокоительно и поразительно ясно, верно, и пропорциональностью отражения». И Горький увидит подобное, схожее, подчеркнув, что аксаковская «Семейная хроника», как и «Записки охотника» Тургенева, очистила его душу: «Я почувствовал, что такое хорошая книга, и понял ее необходимость для меня. От этих книг в душе спокойно сло-

жилась стойкая уверенность: я не один на земле и — не пропаду!»

Поразительно, но восторженные отзывы об Аксакове характерны были для, казалось бы, таких разных писателей, как Хомяков и Тургенев, Салтыков-Щедрин и Герцен, Анненков и Чернышевский, Достоевский и Мамин-Сибиряк... Люди порой противоположных литературных и политических пристрастий, они были единыдушны в своих оценках писательского и человеческого таланта Аксакова.

Конечно, были у него и недоброжелатели, и даже враги. Какой порядочный человек их не имеет? Аксаков тут не исключение. Отмечая обилие похвал в адрес своего, как он считал, скромного труда, Аксаков с юмором говорит в одном из писем, что с нетерпением всё ожидает, когда же начнут ругать? Ведь он помнил, как однажды огорченный М. Погодин, редактор «Московского вестника», вернул ему отрывок, изрезанный было цензором: «Статья ваша изуродована, и потому я решился сохранить ее чистоту и красоту в рукописи. У подлецов нет никакого человеческого чувства!». Цензора не устроила обнаженная правда о крепостничестве, о злоупотреблениях полицейской власти... Нет, не простым бытописателем, натурфилософом или «певцом природы» был Сергей Тимофеевич Аксаков! Взгляды его на народную жизнь и на влияние на нее отечественной природы были и зоркими, и глубокими, и социально-философскими. В общем, другими словами, — мудрыми.

Нет ничего идиллического в спокойном, эпически-мудром тоне повествований Аксакова. Даже говоря о естественной человеческой страсти к рыбной ловле, выписывал образ и повадки щуки, он дает по-гоголевски зримый и злобещий портрет хищника, каких немало водилось не только в речных, озерных, но и в общественных зарослях. Недаром и «Семейная хроника» его, и «Воспоминания», и «Детские годы Багрова-внука», и знаменитая, полная любви, горечи и страстности «История моего знакомства с Гоголем» кажутся неравнодушному читателю писательской исповедью, по общечеловеческому значению не меньшей, чем «Исповедь» философа, мыслителя Жан-Жака Руссо.

Нет, он не был руссоистом, Аксаков — чисто русское явление не только в отечественной, но и в мировой литературе. Потому и отмечают его двухсотлетие ныне во всем мире. Не будь его «Семейной хроники», «Воспоминаний», «Детских годов Багрова-внука», может быть, и недосчиталась бы наша литература прекрасных и знаменитых книг о детстве, отрочестве и юности (а шире — о становлении личности) Льва Толстого, Гарина-Михайловского, Горького, «Кадетов» Куприна, «Митиной любви» Бунина... И многих других. Целой ветви в нашей исповедальной по своему духу и глубоко взволнованной, поэтической прозе. И кто знает, не сделай этого открытия темы человеческого становления Аксаков, были бы иные знаменитые книги о детстве, о семье в зарубежной литературе — «Детство Марселя» Марселя Паньоля, «Рыжик» Жюль Ренара, трилогия Ж. Дюамеля, «Вино из одуванчиков» Рея Бредбери!.. Да, конечно, там, на Западе, была заложена своя традиция, идущая от Дик-

кенса, от его «Дэвида Копперфильда»... Но все же — не забудем, что страстным пропагандистом аксаковского творчества во Франции был «западник» и чудесник русского слова И. С. Тургенев, что А. И. Герцен, будучи на чужбине, тоже преклонялся перед ним, что чуткая к слову Ф. М. Достоевского Европа не могла пройти мимо его восхищения Аксаковым.

Но есть одна мелодия, которая должна быть особенно дорогой нам, нынешним, в творчестве Аксакова. Помню себя мальчишкой в годы войны — в уральском городке Кыштыме. В доме деда, простого фельдшера, собиралась за почти пустым столом (грибы да ягоды, чай из лесных трав) у коптилки вся малышня (сестры и братья, отринутые из своих семей голодом, холодом и войной к деду, «на подножный корм»). И дед, Иван Степанович, высокий, сухой, читал нам затрепанную книжку «Записки об ужении рыбы» Аксакова. А потом те, что постарше, заразились этой страстью, почувствовали, что такое единство с природой: чуть ли

не сутками пропадали на озерах и плесах, ловили сверкающих на раннем солнце чебаков или вытаскивали из тины сонливых толстых линей, зоревали, плясали у костров, а потом мчались через непогоду по вздувшемуся почерневшему озеру на утлой лодчонке к берегу, к огоньку дедова дома. И все это входило в душу с понятием Родины. Большой ли, малой ли — тогда для нас не было разницы. Все связывалось с щемящей тоской, мечтой о домашнем тепле, о семье.

Другого Аксакова открыл для меня мой институтский профессор, историк русского театра Б. Н. Асеев. Аксакова — поразительного, тонкого критика, знатока сценического искусства, первым открывшего своим современникам гениальность великих актеров Михаила Щепкина и Павла Мочалова, оставившего множество прекрасных статей, рецензий, воспоминаний, друга Гоголя. Именно Гоголь мечтал, что бы Аксаков «прошел» с актерами Малого театра его «Ревизора» (тогда еще не было в нашем театре, да и в мировом, профессии режиссера). Среди близких знакомых Аксакова — лучшие люди России, писатели и поэты, актеры и издатели...

Дом Сергея Тимофеевича Аксакова, уже ближе к середине века и прежде всего благодаря усилиям его талантливых сыновей Константина и Ивана (а они тоже вошли в историю русской литературы), становится в Москве центром славянофильства. Но тема эта — особая. О сложности ее говорят, например, слова Льва Николаевича Толстого: «Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь строй их мыслей, взгляд на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков». Встречи в доме, в семье Аксаковых оказали огромное влияние не на одного Толстого. Без преувеличений можно сказать, что Аксаков и его семья сыграли свою выдающуюся роль в русской культуре, в укреплении духовной силы ее движения к идеалу, к ее феноменальности.

У Аксакова есть поразительная черта, связанная, как это точно подмечено М. Лобановым, одним из исследо-

вателей его таланта, автором монографии в «ЖЗЛ», с глубокой особенностью русского творческого гения, — с предельной требовательностью к самому себе, к наивысшему проявлению своего бытия, к наивысшей цели. Отсюда — презрение ко всему условному, искусственному, к тому, что многими считается высшим благом. Духовность и естественность жизни, а не богатство, не власть над другими, не суетность, мишура и блеск переменчивых чувств волнуют Сергея Тимофеевича Аксакова. Может, оттого и пришел он в нашу литературу так поздно — уже зрелым человеком, прошедшим непростую жизненную школу, немалые испытания, требовавшие мужества (подумать только, в 1845 году, поселившись в подмосковном имении Абрамцево, тяжело больной, ослепший на левый глаз, 54-летний, он начинает, нет, не писать, а диктовать свой первый литературный опус — «Записки об ужении рыбы»).

Нельзя не согласиться с М. Лобановым: Сергей Тимофеевич Аксаков сам рассказывал о событиях своей жизни, о знакомстве с известными современниками, прежде всего с Гоголем, в своих книгах, — и никакой биограф не может здесь соревноваться с ним. Более того, добавлю к сказанному: творец образа своей семьи, Аксаков выступил в нашей духовной культуре как певец идеала семьи — идеала народной жизни.

Ныне, перечитывая его «Семейную хронику», «Детские годы Багрова-внука», невольно ловишь себя на мысли, что хочется прочесть их вслух, как можно читать поэмы Гомера, дабы почувствовать величие его поэзии. Так и кажется, что они, эти аксаковские шедевры, рассчитаны на звучащее слово в семье. На слово — живущее с нами.

Однажды Сергей Тимофеевич написал в письме к брату Аркадию такие стихотворные строки:

Кто знает будущего тайны?
Кто знает о своей судьбе?
Дела людей всегда случайны.
Но будем верны мы себе!

Эти слова — послание и нам!..

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.